

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

ЖЕНЩИНА
БЕЗ ИМЕНИ

CHARLES MARTIN

U N W R I T T E N

ЧАРЛЬЗ МАРТИН

ЖЕНЩИНА
БЕЗ ИМЕНИ

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М29

Charles Martin
UNWRITTEN

Copyright © 2013 by Charles Martin. This edition
published by arrangement with Center Street,
New York, New York, USA.
All rights reserved

Перевод с английского *И. Крупичевой*
Художественное оформление *С. Власова*

Мартин, Чарльз.

М29 Женщина без имени / Чарльз Мартин ; [пер.
с англ. И. Ю. Крупичевой]. — Москва : Издатель-
ство «Э», 2016. — 384 с. — (Джентльмен нашего
времени. Романы Чарльза Мартина).

ISBN 978-5-699-82951-4

Санди ведет уединенный образ жизни: читает или рыба-
чит, скрываясь среди тысячи островов у побережья Флориды.
На протяжении нескольких лет его единственным собеседни-
ком является отец Кэприз, священник, спасший ему однажды
жизнь. Когда он просит Санди об услуге, тот не может отказать
наставнику. Речь идет о женщине, известной актрисе Кейти
Квин, которую, по словам отца Кэприза, нужно спасти от всего
мира. Но для этого Кейти должна «умереть»...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Крупичева И., перевод на русский
язык, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-82951-4

Посвящается Джону Дайсону

Часть 1

«...никогда не забывай о том, что ты обещал мне использовать это серебро для того, чтобы стать честным человеком... Жан Вальжан, брат мой, отныне ты принадлежишь добру, а не злу. Это твою душу я выкупаю для тебя. Я отбираю ее у темных мыслей и у духа погибели и отдаю Господу!»

*Виктор Гюго.
«Отверженные»*

«Смерть суждена каждому человеку; и живой приложит это к своему сердцу».

Экклезиаст, 7:2

Туралог

Рождество

Женщина в исповедальне преклонила колени. Священник сел бок о бок с коленопреклоненной. Она отдернула занавеску и вдохнула запах «Виталиса» и «Олд Спайса». Ей нравилось находиться так близко к мужчине, у которого не было желания прикоснуться к ней, завоевать ее. Она смотрела мимо него. Куда-то за пределы настоящего.

— Простите меня, отец, ибо я согрешила.

— Когда ты исповедовалась в последний раз?

Она посмотрела на него уголком глаза.

— А разве вы не помните? Вы сидели именно здесь.

Он поднес свои часы к свету, давая возможность глазам рассмотреть день недели. Пятница. А она была здесь в среду. Она знала, что он помнит. Знала она и о том, что его разум был не так стар, как заставляли думать его трясущиеся руки или слюна в уголке губ, да и на часы он смотрел не только для того, чтобы отвлечься.

Его большой палец обвел скошенные грани наручных часов. Это был подарок правительства, и они до сих пор ходили довольно точно, но носил он их не поэтому.

— Это странно.

Не глядя на него, она сказала:

— Вам, как никому другому, следовало бы знать... — еще один взгляд, — что во мне нет ничего обычного.

Она любила бриллианты. У нее их был целый ящик. Сделаны на заказ. Браслеты-запястья. Подвески. Кольца с крупными камнями. Но последние пару месяцев она отказалась от блеска. Ничего сверкающего. Единственным ее украшением был пластиковый браслет с кодом пациента клиники, в которой она лежала в последний раз. Священник посмотрел на ее запястье.

— Ты намерена вернуться туда?

Женщина отрицательно качнула головой.

— Просто так будет легче идентифицировать тело.

Обычно ей нравился их словесный пинг-понг. Но сегодня она не пыталась быть забавной. Ее лицо похудело, щеки ввалились. Она знала, что священник это заметит. Он окунул большой палец в елей. Нарисовал крест на ее лбу.

— Благословляю тебя, дитя мое.

Они познакомились, когда ей было шестнадцать. И хотя за эти двадцать лет они оба стали старше, постарел только он. Появились новые морщины, кожа стала тоньше, увеличилось количество коричневых пятен на кистях рук, голос ослабел и иногда прерывался. Слюна попадала на его собеседников. Возможно, так подействовала его трубка. Ему никогда не удавалось бросить курить. Серые волосы зачесаны назад. Восемьдесят три года. Или восемьдесят четыре? Она не могла вспомнить.

Она потратила много денег на то, чтобы не меняться, оставаться неподвластной времени. Для всех, кроме нее самой, это сработало.

Несмотря на такое количество наград, что они не умещались на полках, на собственную звезду на Гол-

ливудском бульваре, на тридцать с чем-то фильмов, на восьмизначные гонорары, на несколько номинаций в категории «Самые красивые люди», на работу, расписанную на годы вперед, и на мировую известность и узнаваемость, она стала хрупкой. Не такой уверенной в себе. Вообще не уверенной. Просто женщиной. Испуганной. Она старалась это скрывать, но скрывать это от него было не так просто.

Она всегда считала его щеголем. В момент слабости она сказала ему, что он не стал бы священником, если бы они встретились, когда ему было двадцать лет. Кивок. Приятная улыбка.

— Мне хотелось бы думать, что ты права.

Она повернулась, удивленная:

— Вы бы оставили Бога ради меня?

Он покачал головой.

— Я бы попросил у Него разрешения и молился бы, чтобы Он его дал.

Она обвела взглядом церковь:

— Думаете, Он бы вас выпустил?

Старик посмотрел на стены:

— Он меня здесь не держит.

Иногда она приходила сюда просто для того, чтобы дышать.

Женщина подошла к сути.

— Ни наркотиков, ни алкоголя, ни секса. И всего лишь три бранных слова. — Она покачала головой и улыбнулась. — В последние три недели — по вашей милости — мне было совсем не до веселья.

Он улыбнулся:

— Когда же ты веселилась в последний раз?

Женщина отвернулась. Витражное окно поднялось на тридцать футов¹ над ними. Свет проникал

¹ 1 фут = 30,48 см.

через терновый венец, оставляя на ее коже красные и пурпурные отсветы. На улице трепетал на ветру платан, создавая на мраморном полу эффект зеркального шара с дискотеки. Женщина покачала головой. Он нагнулся, чтобы услышать ее. Неужели она говорила так тихо? Маленькая и хрупкая, она могла вышагивать на сцене и покорять Бродвей. Ее шоу никогда не бывали дешевыми, и это не имело никакого отношения к цене.

Она сумела выговорить:

— Не могу вспомнить.

Он поднял бровь:

— Не можешь... или не хочешь?

Она пожала плечами:

— Выбирайте сами.

Он ждал.

— А твои мысли?

Она не ответила.

Священник заговорил снова:

— Как насчет твоего расписания? В последний раз, когда мы с тобой говорили, ты собиралась тратить меньше времени на то, чтобы представляться кем-то другим, и больше времени на то, чтобы быть самой собой.

— Я им сказала.

Он протянул ей бумажный носовой платок. Она вытерла нос.

— И что?

— Теперь у меня меньше дней на работу.

— А потом?

— Они планируют еще три проекта.

Она округлила глаза и симитировала голос своего агента:

— Главные роли в моей жизни.

— И они того стоят?

Она пожала плечами:

— Восьмизначный гонорар.

— Я спрашивал не об этом.

— Но вам нравится, когда я выписываю чеки для этого места.

— То, что ты делаешь со своими деньгами, касается лишь тебя и Господа.

— Вы неблагодарны.

Он выдохнул и посмотрел на нее, пытаясь поймать ее взгляд. Женщина отвернулась.

— То, что ты отдаешь, стоит больше того, что ты получаешь.

Она улыбнулась. Еще одна слезинка. Женщина прошептала:

— Благодарю вас.

Это была одна из причин, по которым она его любила. Он отдавал, ничего не желая взамен. Она посмотрела через стекло.

Он спросил:

— Ты спишь?

Она пожала плечами:

— Время от времени.

— Сны видишь?

— Ничего такого, о чем стоило бы говорить.

Минута прошла в молчании. Женщина поцарапала свой ноготь, потом посмотрела за окно. Там перебивался океан. Над крышами плыл клин из двух дюжин пеликанов, направляясь вдоль берега на север. Она попробовала еще раз.

— Кто-нибудь когда-нибудь говорил вам, что собирается покончить с собой?

— Да.

— И что вы сделали?

— Я сделал все, что мог, и оставил остальное Господу.

— У вас на все есть ответ.

Старик ждал. У него было время для нее. И за это она его тоже любила. Она скучала по нему, но не более.

Она повернулась к нему. Он знал, что она действует намеренно. С целью. Заканчивает то, что начинает. Она не склонна к преувеличениям, что странно, учитывая ее профессию.

— Да?

Она негромко заговорила:

— Вы думаете, что Господь прощает будущие грехи?

— Он вне времени.

Она покачала головой:

— Я не совсем понимаю.

Он кивнул, пожал плечами, улыбнулся.

— Я тоже.

Еще один взгляд за окно.

— Вы хотя бы честно говорите об этом.

— К чему лгать? — Он закончил свою мысль: — Я думаю, что Господь видит и слышит и наше прошлое, и наше настоящее, и наше будущее в настоящем времени.

— Для меня это не слишком хорошее предзнаменование.

— О... — Он улыбнулся. — Возможно, как раз наоборот.

Он ждал. Она повертела в руках носовой платок, покачала головой и вытащила из кармана конверт.

— Учитывая события последних нескольких месяцев, у меня было время подумать. Кое-что привести в порядок. Я назначила вас душеприказчиком. Если что-то случится, я хочу, чтобы вы за всем проследили. Просто на всякий случай. И... — Быстрый взгляд на священника: — Произнесите речь на моих похоронах.

Он взял конверт.

— Я думал, что ты выступишь на моих.

Она огляделась по сторонам, посмотрела за окно на деревья, стараясь придать своему голосу не слишком обреченное звучание. Она протянула священнику кольцо с двумя ключами.

— Это от моего пентхауса и от ячейки в банке. Все, что вам потребуется, там. Фамилия моего адвоката — Суишер. Он подготовит бумаги.

— Разве не лучше заняться этим твоему агенту или тем, кого ты любишь?

По щеке покатилась слеза. Женщина прошептала:

— Мои любимые. — Ей даже удалось коротко хихикнуть. Она отвернулась. — Мой бывший муж номер три выйдет из себя, но вы получите все. Распорядитесь этим по вашему желанию.

Его глаза сузились.

— Следует ли мне беспокоиться за тебя?

Она взяла его руку в свои.

— Я не тороплюсь. Мне лучше. Правда. — Вымученная улыбка. — Я просто... планирую. На всякий случай, понимаете? Только и всего. При дневном свете все не так уж плохо. — Женщина резко опустила голову. — Но когда солнце заходит и... на моем балконе становится так темно... — Ее голос прервался.

Женщина посмотрела на часы на запястье священника, потом на солнце за окном.

— Я опаздываю. — Она преклонила колени. — О боже, мне искренне жаль...

Он подался вперед, снова окунул палец в масло, нарисовал крест у нее на лбу. Масло оказалось теплым.

— *Ego te absolve a peccatis tuis in nomine Patris et filii et spiritus sancti*¹.

¹ Отпускаю тебе грехи твои во имя Отца и Сына и Святого Духа (лат.).